

The illustration depicts a woman in a long, flowing dress on the left and a man in a dark suit on the right, both shown in silhouette. They are looking towards a central, glowing orange flower. A frog is perched on the stem of the flower, reaching up with its front paws. The background is a dark, starry sky with a large, glowing orange arc behind the flower. The overall mood is mysterious and magical.

ТОЛСТЯК, ЖАБА И ПРОКЛЯТЫЙ ПУТЬ

Алена Даркина

Алена Даркина
Толстяк, жаба и
проклятый путь
Серия «Каторга», книга 5

<https://litres.ru/73309918>

SelfPub; 2026

Аннотация

Василиса Бессмертная — умная, упрямая и обаятельная волшебница, которую по семейной традиции отправили на болото отбывать наказание в образе жабы. Куковать бы ей там три года, как и положено, если бы не повстречала она Илью, уродливого вонючего толстяка с неубиваемой «Нивой» и овчаркой по имени Шторм. Он сторонится людей, но почему-то именно ему приходится спасать заколдованных девушек, провозить жаб вопреки всем козням врагов и ввязываться в истории, где реальность трещит по швам.

Чтобы снять проклятие, им придётся ехать через полстраны, искать магический артефакт, разговаривать с лешими, ведьмами и очень странными людьми, попадать в чужие особняки, на роскошные свадьбы и в ситуации, из которых нормальный человек предпочёл бы сразу выйти в окно.

«Толстяк, жаба и проклятый путь» — это ироничный роман-путешествие, где сказка упрямо лезет в реальность, правила

дорожного движения конфликтуют с древними заклätиями, а довезти пассажирку до пункта назначения оказывается сложнейшим квестом.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Алена Даркина

Толстяк, жаба и проклятый путь

Толстяк, жаба и проклятый путь

Роман

Глава 1. Гордость

Тяжела и неказиста жизнь сотрудника природного парка «Щербаковский»!

Садись утром в свою «Ниву», едешь не спеша на работу, завтракаешь в визит-центре в кругу коллег — женщин от сорока до шестидесяти лет. Ну как в кругу коллег... Чаще всего тебе, конечно, накрывают в комнате отдыха, как королю. Типа, чтобы никто тебе не мешал. Все о тебе заботятся, подкладывают вкусные кусочки. Хотя иногда и шутки отпускают, но он к этому привык. Всё равно высшее образование инженера-эколога у него у одного, так что его холят и лелеют, как борова, которого откармливают к новогоднему столу.

После вкусного завтрака так же не спеша едешь проводить свои научные изыскания, помогать что-нибудь восстанавливать или устанавливать. Разница, положи руку на сердце, небольшая.

Главное, чтобы туристов не было. Забодается с ними по оврагам носиться, рассказывать о прекрасной природе,

Стеньке Разине и, проглатывая нецензурную брань, про колдуна Газука. Особенно школьники, что из Русско-американской школы приезжали, доставали до печенок. Современные дети должны сидеть дома за гаджетами, а не носиться по холмам! Что за энеджерджайзеры им дают в этой школе?

Как говорится, грустно, когда на работе нечем заняться. И очень грустно, когда есть чем.

Но на ближайшую неделю нашествие жаждущих насладиться выжженной зноем степью Поволжья не планировалось, поэтому потихонечку, вразвалочку, от завтрака до обеда, от обеда до ужина.

Илья уже снова расположился за столом, когда почувствовал внезапную, необъяснимую тревогу. Сначала решил, что это от голода. Бурчание в животе легко перепутать с внутренним голосом. Но, когда съел первое, второе и компот, противное чувство не исчезло. И даже не помог испытанный прием — повторить всё еще раз. Глаза устало закрывались, а что-то внутри толкало под ребра: «Нельзя спать! Нельзя!» И на печеночные колики это нисколько не походило, с ними он был отлично знаком, можно сказать, давно породнились. Но всё же он на всякий случай закинул фесталом и панкреатином.

Не помогло. Устав ворочаться в комнате отдыха с боку на бок и убедившись, что вздремнуть после обеда не получится, он уныло поплелся в машину. Сел и поскакал к Щербаковской балке. Российский внедорожник «Нива» как раз для

таких целей предназначен. Неубиваемая машина, к тому же Илья о ней заботился даже больше, чем о собственном же- лудке.

Балка — она же каньон, поскольку, чтобы вы знали, если по дну оврага течет река, то это уже каньон. Как в Америке- сии, только пока не распиарен.

Ехал Илья и чертыхался. Очевидно же, что зря едет, никто до адониса летнего, цветка из красной книги не доберется. Он его так посадил, что и сам не долезет, не то что туристы какие-то. Да и ни один турист мимо визит-центра не прой- дет, а на этой неделе их нет. Нет!

И местные туда не ходят. У них свои развлечения: или квасят, или кверху воронкой в огородах торчат.

Но чем больше он себя убеждал, тем тревожнее станови- лось на душе.

Илья проехал на машине, так далеко, как было возмож- но. Немного еще посидел, наслаждаясь прохладным возду- хом кондера. Наконец, собравшись с духом, заглушил дви- гатель и вылез наружу.

Здравствуй, родное пекло! Если в аду закончатся дровиш- ки, добро пожаловать к нам! Всегда пожалуйста! Не благо- дарите! У нас тут посередине степи кладбище редких птиц. Потому что неизвестно, что там с Днестром, но в такую жа- ру редкая птица степь перелететь может. Налету запекаются родимые.

А он даже не птица. Он сотрудник, и ему предстоял по-

двиг сродни покорению Эвереста — спуск по лестнице к реке.

Каждый шаг давался с огромными усилиями. Раза два он оступался и с трудом удерживал равновесие. Сама лестница была не такой уж крутой, но живот загораживал обзор, поэтому он не видел ступеней.

Через долгих десять минут Илья спустился к реке, которая текла по дну каньона. Если на одном берегу плюнуть, даже не напрягаясь, плевок на другом приземлится. Осенью. Летом он испарится, едва покинув рот.

Здесь Илья долго стоял, прислонясь к дереву, восстанавливая дыхание. Второй обед все-таки был лишним. Хотя что он съел-то? Картошечка, курочка, чаек с конфетами... Сплошная польза!

Нет, лишней тут была только поездка. После вкусного обеда полагается поспать, а не совершать вояжи. Но единственный шанс успокоиться — это увидеть всё своими глазами.

Наконец он отправился в направлении противоположном туристическим тропам. Так было задумано, ерш тебе в кувшин! Чтобы НИКТО, никакая пронырливая тварь, не могла туда добраться. Теперь ему приходится самому лезть в труднодоступное место, до которого не доехать, не допрыгать и ногами не дойти. А он так надеялся, что подобного не повторится!

Тропинка исчезла. Илья с тоской посмотрел на склон, ку-

да теперь надо было лезть. Плюнул на всё и дальше пробирался на четвереньках. В конце концов, кто сказал, что человек прямоходящий? Полный бред! А почему тогда у всех грыжи позвоночные? На карачках некрасиво, зато безопасно — падать не так больно.

Он прополз пять метров по склону холма, из последних сил раздвинул стебли травы и на мгновение окаменел.

— Святые блины на орбите! А ну иди отсюда, тварь Божия!

Рядом с его драгоценным летним адонисом сидела зеленая жаба — красавица с темными пупырчатыми островками на фоне бледно-бирюзовой шкурки. По мнению Ильи, те, кто назвал амфибию зеленой, совершенно не обладали фантазией. Как минимум ее надо было назвать мраморной.

Услышав возглас, жаба окинула его равнодушным взглядом и снова потянулась пастью к алому огоньку.

— Ты не поняла, что ли? — рассвирепел Илья. — Псалом тебя раздери! Иди отсюда пока ангельским мечом не прилетело! — он оглянулся в поисках чего-то, что можно было кинуть в жабу. Ломать дерево рука не поднималась.

На этот раз амфибия взглянула на него надменно. И демонстративно подняла лапу, чтобы проползти через цветок.

— У! Морда симпатичная! Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Ты у нас не в Красной книге, в отличие от цветка! — пригрозил Илья и полез дальше, торопясь защитить нежные лепесточки адониса.

Продвинувшись еще на полметра, он вытянул ладонь и оттолкнул жабу:

— Пошла вон, сказочная уродина! Иди в свое болото! Аистов на тебя нет!

Теперь жаба глянула на него злобно. Нисколько не напугалась, так и осталась сидеть возле цветка, явно рассчитывая на то, что долго он здесь караулить не будет.

— Ах так? — возмутился он. — Ну ладно! Сама напросилась. Ты у нас, говорят, к засухе устойчивая. Посмотрим, как тебе понравится в степи!

Жаба наконец решила удалиться, переждать где-нибудь в густой траве нашествие чокнутого эколога, но не успела. Илья ловко схватил ее за заднюю лапку и потянул к себе.

Амфибия трепыхалась, пытаясь вырваться, но где ей было справиться с человеком?

— Врешь, не уйдешь! — злорадно ухмылялся Илья. — Я тебе покажу как цветы жрать. Ишь, мошек ей мало. Адониса она захотела.

— Отпусти меня, урод вонючий! — произнесла жаба скрипучим голосом.

От неожиданности Илья разжал пальцы и застыл, разинув рот. Амфибия шлепнулась в траву и куда-то засобиралась.

— Архангельский гром! — Илья дрожащей рукой вытер пот со лба. — Это от перегрева!

Шевеление в кустах прекратилось, а затем оттуда снова раздался настороженное кряхтение:

— Жирдяй, ты меня понимаешь, что ли?

— Светы небесные, держите меня, — он осел в траву, тяжело дыша.

Повисла пауза, а затем стебли раздвинулись, оттуда вылезла пятнистая морда и уставилась на него.

— Та-ак... — произнесла она с неприязнью. — Давай еще раз. Моргни, если ты меня понимаешь.

Илья зажмурился. И снова открыл глаза.

— Не поняла, — заявила жаба, пристально исследуя его лицо. — Я просила моргнуть, а не зажмуриться. Давай еще раз. Если ты меня понимаешь, моргни два раза.

— Лихо монастырское! — вместо этого возопил Илья. — Еще скажи, что тебя заколдовали.

— Поняла, — ответила жаба, но вылезать из травы на всякий случай не стала. — Нет, это не колдовство. Это семейное проклятие. Как сказал папа: «Каждая дочь должна три года побыть жабой, пока не научится соблюдать пятую заповедь».

— Какую еще пятую заповедь? — не понял Илья.

— Не знаешь? — амфибия закатила глаза. — А туда же! «Архангельский гром!», «Лихо монастырское!» Пятая заповедь. Цитирую: «Почитай отца и мать твою...»

— И Достоевского тоже почитай, — кивнул эколог. — А батя у нас кто?

Взгляд жабы стал задумчивым, она словно размышляла: стоит говорить или нет. Потом медленно доложила:

— Полковник полиции в отставке... Остап Константино-

вич Бессмертный.

— А! — облегченно рассмеялся Илья. — Я уж думал Кошечей!

— Это семейное прозвище, — не поддержала веселье жаб. — В качестве имени уже давно в нашем роду не используется. Еще вопросы?

— Нет вопросов, — покачал головой Илья. — Пойду я домой. Солнце еще высоко, негры должны работать. Цветок не трогай, пожалуйста. Он редкий. Если надо, могу отнести туда, где насекомых побольше. Отнести?

— Ты идиот?

— Не без этого, — обреченно пожал плечами парень. — Тупой, жирный, вонючий сотрудник природного парка. Если больше вопросов нет, я пошел, — он развернулся и стал медленно сползать обратно на дно каньона.

— Стоять! — услышал он скрип за спиной, но даже не обернулся. — Пожалуйста, не бросай меня! — в квакающем голосе послышалось отчаяние. — Ты же не оставишь девушку в беде? — Илья продолжал спускаться. — Я тебя награжу! — взмолилась она.

Парень замер.

— С этого надо было начинать! — заявил он, не оборачиваясь. — Сколько?

— Мне нужно, чтобы ты отвез меня домой к папе.

— Понял. Сколько?

— Он живет в Можайске, под Москвой.

— Не вопрос! Сколько?

— Билет на автобус стоит три тысячи.

— А! Ну так и иди на автобус. Чего ко мне-то прицепилась? — он пополз вперед.

— Не уходи! Хочешь я сделаю тебя красивым?

— Не хочу, — хмыкнул парень. — У тебя не получится. Царь Кощей над золотом чахнет. Про это еще Пушкин писал. А ты жмотишься.

— Я не могу тратить папины деньги, — буркнула жаба. — Как ты себе представляешь? Он должен платить за то, что ты привез меня оттуда, куда он сам и отправил?

— А тебе он, что ли, не отсыпал?

— Он еще жив! Наследство я пока не получила.

— Ну ладно! Как получишь — квакни, — он снова стал спускаться.

— Подожди! У меня клининговая фирма, — заявила она и, видимо, не надеясь на его интеллект, добавила: — Квартиры убираем.

— А! — многозначительно кивнул Илья. — Я думал, что клинья делаете. Ну и что?

— Могу организовать тебе бесплатную уборку дома в течение десяти лет.

— В Щербаковке? — засомневался Илья.

— В любом месте! — пообещала лягушка.

— Отлично. Только в течение пятидесяти лет.

— Очешуел? Максимум пятнадцать!

— Пятьдесят пять!

— Что? Кто так торгуется? Двадцать!

— Шестьдесят и доставка готовой еды на дом на этот же срок.

— Да иди ты к лешему!

— Отлично! Пока!

— Стой! — в скрипучем голосе послышались слезы. — Я согласна.

— Вот это другое дело! — Илья тут же вскарабкался обратно. — А то выпендриваются буржуи проклятые. Насобирали себе золото, аж чахнут, а как отплатить добром, так шиш тебе на рыске.

Он вернулся к лягушке. Она сидела грустная, будто совершила самую ужасную сделку в жизни, но Илья не обратил на это внимания.

— Давай, что ли, прыгай на плечо.

— Я жаба, а не лягушка, — хмуро сообщила она.

— Ладушки, — он, не особенно церемонясь, схватил ее в охапку и водрузил на плечо.

— Я жаба, а не кошка! — буркнула она, соскальзывая с футболки.

— Ну тогда только так, — Илья оттопырил ворот и сунул амфибию за пазуху.

— Нет! — отчаянно пискнула она. — Я тут задохнусь!

— Потерпишь, — отмахнулся парень. — Да, чуть не забыл, — Илья снова остановился. — Одно слово о моей внеш-

ности, запахе, я тебя высаживаю из машины и будешь знакомиться с рационом питания ежейков. Поняла? Меня зовут Илья Александрович. А ты у нас Василиса Остаповна, полагаю?

— Да, — уныло подтвердила жаба.

— Будем знакомы! — он полез вниз.

Глава 2. ...И предубеждение

В первый раз Василисе захотелось покинуть отчий дом в пять лет, когда родители сообщили, что разводятся. Мама ходила по особняку злая, в доме на каждом шагу ожидали сюрпризы. Из заварочного чайника мог вылезти маленький джин с большой ёлдой и как настоящий официант суетиться на столе, подавая чашку или двигая печенье. Тапочки превращались в разъяренного кота, вцепляющегося в ноги всеми когтями. Зубная щетка выскальзывала из рук и мазала пастой голову, так что нужно было лезть под душ. В унитазе порой сидел невидимый дракончик, стреляющий огнем, как только становилось темно.

Отец сохранял абсолютное спокойствие и счастливо избегал любой западни. Василиса сначала посчитала происходящее развлечением и занималась тем, что носилась по дому в поисках ловушек. Но потом ее посадили на стульчик и задали сакраментальный вопрос: с кем она хочет жить.

А она знала правильный ответ! Всегда надо говорить, что хочешь жить и с папой, и с мамой, потому что, если скажешь правду, то кто-нибудь обидится. Это она и сообщила, крайне

довольная собой, будто распознала еще один капкан и удачно его обезвредила.

Но оказалось, что под капканом замаскировали ловчую яму, в которую Василиса благополучно и свалилась. Теперь каждое воскресенье ей приходилось переезжать.

Одну неделю она жила с мамой и ее очередным бойфрендом молодым и мускулистым, а вторую — с папой и его новой женой, чем-то очень похожей на маму, но с рыжими волосами и медовым голосом. Когда Василиса слышала этот звук, хотелось сунуть мачехе в рот ложку горчицы.

Наина любила сюсюкать с ней:

— Как дела, мой цветочек? Что сегодня будешь кушать? У меня есть вкусная пшенная кашка!

Василиса представляла, что кормит мачеху горчицей, и в следующий момент та морщилась, будто проглотила ежа, и шла пить воду. Видимо, от стресса у дочери Бессмертного начали пробуждаться колдовские способности.

Примерно через полгода Наина перестала сюсюкать и притащила откуда-то оружий сверток. Василисе торжественно сообщили, что это ее брат Яромир, и запретили к нему подходить под страхом усекновения головы.

Не больно-то и хотелось!

Василиса собрала вещи (ложки, платье и белую шапку с ушами зайца), позвала волка Горина и собралась ехать жить в тайгу. Ее поймали, отшлепали, посадили на день под домашний арест. Волку досталось больше — он просидел в ма-

гической клетке неделю. Затем под страхом превращения в обычного лесного зверя ему запретили исполнять бредовые идеи девчонки и скрепили этот договор клятвой. Горина это так напугало, что он потом десять лет не отвечал ни на какие призывы, притворяясь старым и больным.

Помаявшись еще немного между двумя домами, Василиса окончательно уверилась, что надо жить одной, но у нее хватило мудрости принять тот факт, что ей этого никто не позволит, пока она не станет совершеннолетней или не выйдет замуж. Второе было быстрее, но подходящих кандидатов с жилплощадью не нашлось. Единственный перспективный жених — чур¹, охраняющий дом. Василиса предложила ему руку и сердце. Он на коленях попросил прощения за то, что поторопился и уже заключил брак. Но сказал, что знает проверенный способ: если погрузиться в учебу, то двенадцать лет, оставшиеся до совершеннолетия и свободы, пролетят как один день. Или как двенадцать дней. После этого у Никифора появилась новая «Тойота», но два этих события — отказ жениться на Василисе и появление автомобиля — связались в ее голове гораздо позже. Даже сейчас хотелось думать, что наградили чура все-таки за хороший совет.

Василиса пошла долгим путем. История про год за день оказалась сильным преувеличением, поэтому девочка предприняла еще два решительных шага. Она отказалась жить с мамой, объяснив тем, что ей больно видеть рядом с ней

¹ Чур — существо, оберегающее границы, защитник рода.

других мужчин. (На самом деле ей надоело попадать впро-
сак, путая их имена, а образ жизни альфонсов вызывал от-
вращение.) И она потребовала, чтобы ее комната была как
можно дальше от комнат, где можно встретить отца, мачеху
или сводного брата, мотивируя это усилением депрессии и
головной болью. Плюс она наняла жену чура, чтобы та охра-
няла порог от всех посетителей, кроме тех, кого она пригла-
сит лично. Теперь Наина и ее отпрыск, словно настоящие
вампиры, не могли зайти к ней, даже если очень хотели. С
отцом проворачивать такой фокус Василиса не рисковала —
все-таки это был его особняк, приходилось с этим мириться.

Таким образом, она жила почти одна, пересекаясь с воль-
ными и невольными родственниками только на глобальных
семейных праздниках типа юбилея отца. Два года назад ему
стукнуло восемьдесят, и они увиделись, впервые за три года.
До этого только перезванивались изредка. Встреча закончи-
лась тем, что она оказалась на болоте в жабьей шкурке.

Кстати, следует развеять недопонимание относительно ее
семьи.

Во-первых, да. В их роду по мужской линии рождались
очень сильные маги. Последние сто лет все они верой и прав-
дой служили системе² и занимали довольно высокие долж-
ности в полиции, не используя их для того, чтобы награть
побольше. Просто уже не нужно было, потому что все, кто

² Действие происходит на Каторге. В конце романа есть краткий экскурс по
этому миру, где рассказывается и о том, что называют «системой».

жил до этого, награбили достаточно, так что вряд ли при самом большом желании можно накопленное потратить. Разве только раздать всем жителям планеты по одному доллару.

Во-вторых, нет. Никто в их роду не знает секрет бессмертия и не живет вечно. Бессмертный — это фамилия, которая когда-то была прозвищем. Максимум, что доступно Бессмертным, как и прочим магам — более долгая, чем у обычных людей жизнь с сохранением здоровья и бодрости.

В-третьих, да. Кощей — это от древнего слова «кости», мужчины в их роду были очень худыми.

Двенадцать лет Василиса погружалась в таинства земной и магической науки. Пришлось смириться с тем, что по женской линии гены сильных магов не передавались. Ее максимум — бытовая магия: уборка, готовка, шитье. Но ей нравилось решать нестандартные задачи. До восемнадцати лет она работала в клининге как самозанятая, после совершеннолетия организовала свой бизнес. Параллельно получала образование в известном московском вузе, обучаясь сразу на двух факультетах, и искала способы вплетать магию в то, что создавала своими руками: панно, свитера, вышивки.

К сожалению, многие, когда видели Василису — высокую красивую девушку с женственной фигурой и косами ниже пояса, — не могли воспринимать ее всерьез: слишком молодая, слишком красивая да еще при богатом папе. Для бизнеса нужен был кто-то внушающий доверие. Ее выбор пал на Ирину Сергеевну Чехину, невысокую темноволосую жен-

щину. Как и многие другие на Каторге внешне она ничем не отличалась от человека, но на самом деле была сульлин. Это существа, рожденные из воды, отражающей луну, рядом с ними человек лучше понимает свои чувства. Сульлин умеют останавливать словесные конфликты, создавая вокруг людей «зону тишины», где невозможно соврать себе.

Василиса познакомилась с ней, когда Ирина приходила в университет улаживать конфликтный вопрос между студентами и преподавателями. Девушке понравилась проницательность сульлин, умение не попадать под власть бушующих эмоций и успокаивать других. После этого они несколько раз встретились в книжном клубе и скоро подружились, несмотря на разницу в возрасте — больше двадцати лет. Но в невысокой Ирине с красивым без морщин лицом, не чувствовался возраст.

Когда сульлин заикнулась, что хочет сменить работу, Василиса тут же предложила пойти к ней менеджером по персоналу.

— Мне нужно, чтобы ты занималась тем, что у тебя хорошо получается, — объяснила она, — подбирала людей, которые будут работать без нареканий, помогала им адаптироваться у нас в фирме, решала конфликты с клиентами и среди персонала.

— Интересное предложение, — сульлин задумчиво покрутила в руках длинную косу, — но я бы хотела иметь свободное время, чтобы заниматься психологической практи-

кой.

В результате они прекрасно сработались и во многом фирма развивалась именно благодаря Ирине, которая взяла на себе еще множество мелких и больших вопросов, возникающих в начале бизнеса, и успешно с ними справлялась. Очень скоро она стала лицом фирмы «Дом в порядке» — все считали, что именно Ирина Чехина основала и поставила ее на ноги.

Василиса же в глазах всех была образцово-показательной девочкой из числа золотой молодежи: умной, красивой, работающей, самостоятельной. Как только появились первые заработанные своим трудом деньги, она сняла квартиру и больше папу не беспокоила.

А в девятнадцать лет ее с головой накрыла любовь. Такая, о которой пишут в книгах: выносящая мозг, дарящая феерическое наслаждение, заставляющая забывать обо всем и бросаться в отношения как в омут с головой. Василиса, без каких-либо катаклизмов пережившая пубертат, даже не думала, что может испытывать такую бурю эмоций, считала, что она похожа на отца — более рассудочная. Бессмертный ничего об этих отношениях не знал, и, честно говоря, Василиса даже вообразать не хотела, как бы он отреагировал, если бы ему доложили.

Поэтому, когда на собственном юбилее отец улучил минутку, чтобы поговорить, она немного насторожилась. Но вскоре выяснилось, что у него всего лишь появилась идея-

фикс познакомить ее с замечательным сыном его друга и коллеги — Иваном Царевичем (Царевич — это фамилия!). Мол, они идеально друг другу подходят: красивые, умные, самостоятельные. Василиса из любопытства глянула на фото, чтобы понять, одинаково ли они понимают слово «красивый». Парень оказался шикарным, но она всё равно мягко отказалась от встречи. Потом убедительно возражала, наконец орала и топала ногами. Папа пережил это, спокойно попивая шампанское из бокалов, которые кому-то могли показаться простоватыми и помутневшими от времени. Но гравировка на них была стерта пальцами людей его крови.

Он медленно повернул бокал, наблюдая, как пузырьки поднимались вверх — суетливо и бестолково, так же как вела себя Василиса. Но вот он легко, еле заметно шевельнул указательным пальцем, и движение пузырьков упорядочилось, они закружились в зачаровывающем танце. Это должно было подсказать Василисе, что будет дальше. Впрочем, догадка нисколько бы ей не помогла.

Бокал отставлен в сторону, отец поднимается из кресла.
— Видит небо, — говорит он доброжелательно, — я был уверен, что мы избежим этого недоразумения. Но, кажется, судьбу не обмануть. Каждая девушка по фамилии Бессмертная должна три года побыть жабой, пока не научится соблюдать пятую заповедь. И не нам нарушать эту традицию!

Щелчок пальцами, в голове помутилось, вокруг стемнело. Василиса попыталась убрать ткань, закрывающую свет, но

только бестолково тыкалась во все стороны. Наконец покров убрали, и ее папа, вдруг ставший гигантом, склонился к ней и взял на руки. Задумчиво посмотрел.

— Зеленая жаба, говоришь? Красавица, ничего не скажешь. Даже сейчас красавица. Пожалуй, парк Щербаковский подойдет тебе идеально. И да, я не такой злыдень, как твой дед. Если ты извинишься и пообещаешь всегда разговаривать со мной уважительно, я сниму проклятие раньше. Правда, для этого тебе придется каким-то образом добраться из Волгоградской области до Можайска... Но тут уж как повезет.

Еще один щелчок пальцами, и вот она квакает в тихой заводи возле маленькой речушки. На самом деле, конечно, ругается матами, проклиная жизнь, родителей, магию, судьбу. Но редкие туристы, проходя мимо, говорят:

— Вот жаба-то разоралась.

Злые слезы увлажняли глаза и очищали их от пыли. Слова отца, что он готов простить ее и раньше, звучали издевательством. Как ей добраться до Можайска?

Через год, пережив бесконечную зиму в спячке, она смирилась с тем, что срок ей придется отмотать полностью. Каждый день она клялась себе, что после этого ногой не ступит в отцовский дом, никогда даже не заговорит с ним!

Через два года подумала, что, возможно, если бы она по-настоящему раскаялась, то отец бы это почувствовал и уменьшил срок наказания. Она стала повторять себе, что по-

ступила неправильно. Если бы она пошла на эту встречу и познакомилась с Иваном, от нее бы не ubyло. В конце концов папа же не замуж ее выдавал. Чего она взбеленилась?

Отец ее любит. Если бы она честно сказала, что ее сердце занято, он бы понял и не стал настаивать на ужине. Но, стоило признать, папа так вел бы себя, лишь до тех пор, пока не узнал, кто стал ее избранником. В противном случае она бы отправилась на болото со скоростью сверхзвукового самолета, причем куда-нибудь в Сибирь. Что стало бы со Светославом, даже представить жутко.

Но, медленно передвигая лапы по болоту, волоча по земле пузо, — жабы вообще-то не прыгают — Василиса отгоняла эти мысли, а взращивала другие — покаянные.

И однажды она набрела на удивительный цветок, он рос не в степи, где ей показываться не хотелось, а на склоне оврага. Алым огоньком горели лепестки, просто глаз отвести было невозможно. Она полезла к невероятному растению.

Что было в этом цветке? Почему она его заметила? Как ощутила едва уловимый запах? Цветок заворожил так, что Василиса лезла к нему, как жители загнивающего запада за телевизорами в черную пятницу. Он был так прекрасен, что не съесть его, было невозможно. Когда что-то очень сильно любишь, возникает непреодолимое желание это сожрать. Или хотя бы откусить кусочек. Если любишь человека, тоже такое испытываешь.

Ей нужен был этот цветок, и никто не мог ее остановить.

Ну, она так думала. Потому что, когда она была на расстоянии двух сантиметров от того, что поселило в ней маниакальную одержимость, послышалось пыхтение паровоза: чух-чух, чух-чух — и среди травы показалась помесь бульдога с хряком. И еще со спаниелем, пожалуй: щеки лежат на плечах, глаза заплыли жиром, черные волосы, на вид тоже жирные, висят вдоль лица наподобие ушей. Стиль добавляли редкие усики над верхней губой и прыщи, созвездиями усыпавшие щеки и лоб. А воняло от него так, что она даже в жабьем обличье это чувствовала. Хорошо, если он последний раз на Новый год мылся, но и то сомнительно.

Это чудище размахивало пальцами-сосисками, прогоняя ее от цветка. Василиса надменно взглянула на него. Пока он выступает, она успеет слопать эту красоту.

Но парень проявил невиданную резвость для такого жирдяя, отпихнул ее да еще и сыпал угрозами. Даже схватил за лапу.

И тут выяснилось, что он ее понимает!

Ну за что такое наказание? Почему спасти ее пришел не Светослав, не Иван Царевич — тоже симпатичный парень. Почему на крайний случай какой-нибудь накачанный молодой тракторист, красующийся в музыкальных клипах, не появился здесь? Почему именно этот вонючий жадюга ее понимает? Да еще с такими мелкими интересами! Уборка и еда — ничего ему больше не нужно. Вот уж воистину, человек может достичь чего угодно, нужна только слабая фантазия.

И жить этот вонючий бегемот до девяносто лет собирался. За пазуху Василису засунул — так у нее глаза заслезнились. Сидя на его брюхе, она всерьез думала, что электрический стул — очень милосердная казнь. Ладно, пусть только до Можайска довезет, там папа его отблагодарит!

Прошла вечность, прежде чем ее вытряхнули на переднее сиденье. Василиса вытянула лапки и замерла. Пусть его совесть помучит, пусть подумает, что придушил ее.

Илья ткнул в нее пальцем.

— Сдохла, что ли? — услышала она над собой и даже дыхание затаила.

В следующую секунду тело словно иглой насквозь пронзило. Она подпрыгнула, вытаращив глаза:

— Ты что делаешь, урод?

Илья задумчиво посмотрел на приборчик у себя в руках:

— Надо же! Работает. Я думал, что уже разрядился, — перевел взгляд на Василису. — Ты что-то сказала? Я не слышал.

Если бы ее глаза умели метать молнии, его бы сейчас можно было в совок собрать. Может быть, очень большой совок, но тем не менее. По выражению лица толстяка она догадалась, что он всё прекрасно слышал, но дает шанс исправиться, потому что иначе, как и предупреждал, выкинет ее из машины на съедение ежику. Такого и обещанием столетней уборки не соблазнишь, избавится от нее и не поморщится, а Василисе потом еще год куковать на болоте и голой как-то

до Можайска добираться.

Она задушила в себе нецензурную брань и эпитеты, просящиеся с языка, и глухо квакнула:

— Нет!

— Значит, показалось, — удовлетворенно улыбнулся он.

О Велес! У него еще и зубы редкие были! И этот парень считает, что ему ничего улучшать не надо! Да на его месте она бы душу продала за возможность другую внешность получить. А надо было всего лишь до Москвы ее довезти! Один день пути!

Илья сел на водительское сиденье. Василиса демонстративно смотрела в другую сторону.

— Могу посадить тебя в пакет и привязать его к ремню безопасности, — предложил жирный.

— Нет! — снова гордо отказалась она.

— Ну как знаешь, — пожал он плечами.

В следующее мгновение машину подбросило, как норовистого скакуна, она шмякнулась о спинку сиденья и улетела под него, больно ударившись о резиновый коврик. Специально так едет! Точно специально.

Василиса подпрыгивала в темноте на полу и радовалась, что здесь было чисто.

Наконец машина остановилась, хлопнула дверца. Никто не пытался ее найти и не предлагал выйти. Василиса приходила в себя.

Открылась задняя дверца, что-то плюхнулось на сиденье,

раздался залиvistый лай.

— Умолкни, Шторм, — приказал толстяк. — Ты так радуешься, как будто я тебя никуда не водил гулять.

После долгого пыхтенья гора жира вновь устроилась за рулем.

— Поехали, — сообщил он словно самому себе.

Машина тронулась, Василиса снова прокатилась по коврику. Хотелось разрыдаться, но она только еще раз увлажнила глаза.

Однако вскоре «Нива» сделала последний рывок и ход стал ровнее. Видимо, они выехали на трассу.

— Вылезай, — негромко предложил Илья.

Только теперь она заметила, что у него удивительно красивый голос, абсолютно не сочетающийся с его внешностью. Но вылезать она всё равно не планировала. Что задумало это чудище?

Автомобиль остановился, хлопнула дверца, а затем открылась другая, с ее стороны, и к ней под сиденье залезло огромное прыщавое лицо с уродскими усиками.

— Тебе чего там? Понравилось? Я коробку с ватой взял. Может, там поедешь?

— Нет! — квакнула Василиса, прежде чем подумала. Голова тут же исчезла: кажется, этот жирный второго шанса никому не давал. — Стой! — заорала она. В смысле прокряхтела жабьим горлом.

Снова появились щеки.

— Я согласна в коробку.

Парень подставил ей новую постель:

— Сама залезешь или помочь?

Скрепя сердце, она квакнула:

— Помоги, — к ней потянулись толстые пальцы. — Только аккуратней! — заверещала Василиса, но было уже поздно.

Ее схватили поперек живота и посадили на ткань, под которой скрывались облака мягкой ваты. Очень удобно. Василиса повозилась, устраиваясь. А Илья умудрился закрепить коробку на сиденье с помощью ремней безопасности.

— Безупречной дороги не обещаю, — заявил он. — Водитель я опытный, но в России... сама знаешь: ничего не вечное, у всего есть срок, кроме идиотов и плохих дорог...

Поэт, елки-березки!

Когда парень устроился за рулем, Василиса уже вполне комфортно улеглась на мягкой подстилке и решила, что Илья заслуживает похвалы.

— Умеешь быть добрым, когда захочешь, — заметила она, щурясь от удовольствия.

Толстяк окинул ее задумчивым взглядом.

— Не советую продолжать в том же тоне, — предостерег он. — Крышку от коробки я тоже захватил.

— Хамло! — возмутилась Василиса. Мысленно. Внешне просто надулась и закрыла глаза.

— Если будешь молчать до Можайска, я не обижусь. Я планирую ехать всю ночь, утром будем на месте.

Он завел машину и поехал, а Василиса уже через несколько минут с ужасом поняла, что у нее огромная проблема, которую без помощи Ильи не решить.

Она неловко поерзала, затем вытянулась и уставилась на парня, ожидая, когда он обратит на нее внимание. Но тот явно привык игнорировать невербальные послания. Василиса прокашлялась. Жирдяй даже глазом не моргнул. Она тяжело вздохнула.

— Илья Александрович!

— М? — он покосился на Василису.

— Не могли бы вы одолжить мне немного денег? — она переступила с лапки на лапку. — Дело в том, что, когда солнце зайдет, мне понадобится одежда.

Глава 3. Война

Договориться с директором взять неделю в счет отпуска удалось легко — Илья очень удачно завершил все глобальные дела, а другие могли подождать и две недели.

Хотя, возможно, он себе льстил и отпустили его вовсе не поэтому, а потому, что, если бы Илья пришел увольняться, его бы благословили в дорогу так же легко. Дали бы хорошие рекомендации, а потом устроили бы грандиозную пьянку, радуясь, что больше не придется терпеть этого едкого толстяка. Едкий — это он про запах.

Но увольняться он пока не планировал. Ему здесь хорошо, а то, что кому-то не нравится запах, — это их проблемы. Илья уже давно научился не просто игнорировать вся-

кие непрощенные мнения о его внешности и комментарии о любви к ванной, но и ставить хамов на место. В конце концов, наступил век бодипозитива: женщины перестали брить подмышки, люди с нестандартной внешностью становятся фотомоделями, а он первый кандидат в мировые звезды! На подиум в стрингах выйдет глаз никто не отведет. Как называется самооценка, когда ты сам себе не нравишься, но всё еще лучше остальных?

А наглая амфибия напрашивалась на хороший урок. Квакает в болоте, а туда же, рассуждает о чем-то. Не всё деньгами покупается! Хочешь, чтобы тебе помогли, — притворись, что не считаешь прочих людей мусором. Раз уж генетический фон подкачал — доброты, сострадания и эмпатии не было в базовом наборе.

Но всё же Илья не был злыднем. Божьих тварей он любил. С Василисой, пока она была папиной принцессой, вряд ли бы поладил. Но жаба, которую он давно про себя называл не зеленой, как положено, а мраморной, была чудо как хороша. О ней хотелось заботиться.

Путешествие началось хорошо. Рот квакушке он заткнул, крутую маскулинность продемонстрировал, можно было надеяться, что остаток пути пройдет в тишине.

Но тут жаба вытянула шею и выпучила глаза, будто у него на щеке не прыщи были, а комары, которых ей хотелось сожрать. В общем, вела себя как типичная девушка, никогда не читавшая пособий по истинной женственности: ждала, что

он побежит за лестницей, чтобы звезду с неба достать. Видали мы таких!

— Илья Александрович!

Это было что-то новенькое. Он осторожно покосился на жабу в коробчонке и вскоре узнал от нее поразительные вещи.

Оказывается, батя у нее тот еще извращенец. Каждую ночь в любую погоду Василиса превращалась в девушку. Абсолютно голую. И до утра ныкалась от всех в болоте. Внезапно постигло озарение: что, если голые девки в камышах, о которых рассказывали в народе, были вовсе не русалками? Просто Бессмертные своих дочерей вежливости обучали? Ну или молодые крестьянские вдовы устраивали закрытую вечеринку. Не всем же на балах развлекаться.

Чего скрывать — искушение не выполнить ее просьбу и посмотреть, что из этого выйдет, было велико. Но Илья был вонючкой, а не мерзавцем, поэтому в Камышине взял в руки коробку из-под обуви и отправился в магазин женской одежды. Конечно, жирный толстяк с дерзкими усиками и квакающей жабой в руках, выбирающий юбку и футболку сорок второго размера, то еще зрелище, но после всех перипетий это всего лишь глазурь на плюшке. Почему нет? Главное, сделать морду кирпичом.

Василиса оказалась страшно привередливой: то ткань не та, то цвет, то слишком облегающее, то похоже на мешок, то слишком большой вырез, то идеально подходит для монаш-

ки. За час посетив три магазина, Илья уточнил в последний раз:

— Сорок второй размер? — и, услышав подтверждение, взял с вешалки первое, на чем увидел заветные цифры, и отправился на кассу.

Под оглушительное верещание жабы с каменным лицом оплатил покупку. Не забыл и нижнее белье взять девушке.

Шторм встретил радостным лаем. Но, видимо, что-то почувствовав, умолк и даже уши прижал. Жаба лежала в коробке так, будто вот-вот умрет, только глаза напоминали две лужицы от случайно пролитого чая.

Илья предпочел ничего не спрашивать и не извиняться. Сейчас он может услышать много нелестного, а жабу было жалко: если ее посадить прямо здесь, она даже ежику не достанется — какая-нибудь фура раздавит.

Некоторое время они ехали в благословенной тишине. Пока не стали заворачивать на заправку. Амфибия вдруг заволновалась, неловко перебирая лапками, вытянулась и, наконец, вспомнив, что перед ней достаточно толстокожий гиппопотамчик, способный не замечать намеки, квакнула:

— Здесь нельзя останавливаться!

— Почему? — Илья даже не повернулся к пассажирке.

Она опять затопталась на месте, словно у закрытой двери в туалет пританцовывала.

— Говори, как есть, — предложил он.

— Не знаю почему, — угрюмо прокряхтела она. — Чув-

ствую какую-то враждебную магию. Опасность. Только не могу сказать какую.

Илья поехал дальше. Но эта история повторялась снова и снова. Жаба нервничала, и он, не споря, искал безопасное, по ее мнению, место. Однако они объехали все заправки, и такового не нашлось. На последнюю Илья все-таки заехал, хотя она не понравилась даже Шторму — он вдруг громко залаял на заднем сиденье.

— Да умолкни ты уже... — грустно попросил Илья. — Бензин на нуле, дальше, даже если захотим, не уедем.

Он собрался выйти из машины, но какой-то хмырь быстро подпер дверь, улыбаясь так, что хотелось съездить ему по роже монтировкой. С такой улыбкой только волшебное средство для похудения впаривают и выманивают у старушек похоронные накопления.

— Простите, — заявил удод, — временно нельзя покидать машину. Я заправлю ее и принесу терминал для оплаты.

— Давай, адская тварь, — буркнул Илья, усаживаясь обратно и закрывая дверь плотнее.

Обслужили их довольно быстро. Но, едва они поехали дальше, выяснилось, что и Шторм, и жаба волновались не зря: уже через десять километров машина начала чихать.

— Вот кодро мшистое... — процедил Илья, а жаба снова заерзала. — Что с тобой? В туалет захотела? Писай в коробку, я захватил вату, поменяю потом.

— Дурак! — выпалила амфибия.

— Что ты обижаешься? Всем иногда приходится писать. Без этого никак.

— Солнце садится! — надрывалась жаба. — Мне надо где-то спрятаться!

Наверно, она думала, что орет, но Илья волновался, как бы она не лопнула от напряжения.

— Ну погоди маленько, — попросил он. — Давай хоть до города доедем. Чуешь, что с машиной творится? Если встанем на трассе, будем куковать не знамо сколько.

— А я говорила... — проскрипела амфибия.

— Едрена коромыслом! — не выдержал он. — Ну, если бы не заправились, то точно бы на трассе встали. Слушай, ты, когда молчала, такой милой казалась!

Жаба опять надулась.

Илья нажал на газ, но машина не отозвалась, как обычно. Двигалась рывками, будто простудилась. Точно подмешали что-то в бензин на этой подозрительной автозаправке. Машину, вишь ты, покидать нельзя!

Вдали показался город, освещенный последними лучами солнца. Илья очень старался добраться до него побыстрее, но двигатель выдавал всё меньше и меньше мощности. Парень вспотел от напряжения так, будто сам толкал машину.

На последнем издыхании со скоростью чуть больше, чем у велосипеда, они въехали в Петров Вал. Илья уже на въезде заметил станцию техобслуживания и свернул туда. Выскочил из «Нивы»:

— Ребята, машина барахлит. Брошу здесь. Подскажите, где на ночь остановиться можно?

Его оглядели с ног до головы, но отвечать не торопились. Илья давно уже привык к такому отношению. В любое другое время он бы терпеливо ковырял кроссовкой асфальт, ожидая, когда мастера в засаленных спецовках преодолеют отвращение и захотят раскрутить лоха на бабки. Но в салоне сидела психованная жаба, поэтому он решил идти ва-банк.

— Господа, я жирный и вонючий идиотик, но у меня есть деньги. Подскажите, где гостиница, а я позволю вам меня немножко облапошить.

Один из мастеров, самый старший, хмыкнул и указал дальше по дороге:

— Метров через триста на противоположной стороне «Солнечная». Но у нас дел за гланды. Твою машину некогда ремонтировать.

— Понял, принял, — Илья быстро достал коробку с амфибией, пакет с купленными вещами, предостерегающе крикнул собравшемуся прогуляться псу: — Шторм, сидеть, — тут же извиняющимся голосом объяснил мастерам: — Собаку в гостиницу вряд ли пустят, придется здесь оставить.

— Слышь, нам тут твоя колымага ни к чему! — возмутился молодой.

— Обсудим минут через десять! — Илья приложил руку к сердцу и припустил по улице.

Он думал, что в «Солнечной» придется еще раз повто-

ритель спич про «идиотика», но старая тетка-администратор, наверно, еще и не такое видала, поэтому с грацией ленивца вбила паспортные данные в компьютер. Жаба мелко подрагивала от нервного напряжения, и эта дрожь резонансом передавалась Илье. Казалось, его удар хватит, пока тетка наконец выдаст ключи.

Напоследок она привстала:

— А что у вас в коробке? — настороженно поинтересовалась женщина.

— Домашний питомец! — провозгласил Илья, торопясь к лестнице.

Но торопиться он умел примерно как улитка, переходящая дорогу, поэтому был отловлен:

— К нам нельзя с домашними питомцами! — заявила тетка.

Илья посмотрел на ее бейдж:

— Жозефина Зосимовна, торжественно клянусь, что ночевать буду со своей женой, а жабу немедленно выброшу в окно. Пропустите, пожалуйста, а то я сделаю вам лужу прямо в коридоре.

Ему немедленно освободили проход. Но пока он, дыша так, будто ему прострелили легкие, забирался на второй этаж, испытывая сильное искушение встать на четвереньки, Илья слышал бурчание в спину:

— Жена! Видала я твой паспорт, нет у тебя никакой жены. Посмотрим еще, кого ты в номер притащишь.

На втором этаже Илья уже со скоростью идущего вразвалочку муравья доплелся до двери, распахнул ее, в последних лучах заходящего солнца бросил коробку на кровать, швырнул туда же пакет, словно гранаты с выдернутой чекой, выскочил в коридор, захлопнул за собой дверь и устало прислонился к ней, вытирая с лица пот краем футболки. Она ментально стала еще более мокрой и вонючей. Что поделать — сумку с салфетками он оставил в машине.

Илья прислушался: за дверью кто-то тихонько скулил. То ли кошке на хвост наступили, то ли крокодил рыдал. Он непроизвольно дернулся обратно, но тут же подумал, что это плохая идея. И, уже не спеша, поправил футболку и отправился на СТО.

Там, используя природное обаяние, Цицероновское красноречие и помахивание кредитной картой, договорился о следующем: «Нива» на ночь останется здесь вместе со Штормом. На всякий случай Илья предупредил, что пес с утра не кормлен и очень агрессивен, даже когда сыт. Шторм посмотрел на хозяина укоризненно. Но ему было сказано, что выбора нет: пусть быстро сделает свои дела и возвращается сторожить машину.

Путем извращенного насилия мозга мастеров удалось добиться от них обещания: утром, как только появится свободная минутка, его машину отремонтируют — сольют топливо из бака, промоют топливную систему, заменят фильтр, проверят и, если надо, промоют форсунки. А он за это заплатит,

купит им пива и не будет выпускать Шторма погулять, пока пес голоден. Окна в машине он оставил открытыми и сказал Шторму на прощание:

— Не грусти, парень, придется переночевать здесь. Но, если кто-то начнет хулиганить, ты знаешь, как открыть машину. Главное, не оставляй свидетелей.

Сопровождаемый взглядом вытаращенных глаз Илья поплелся обратно в гостиницу, надеясь, что амфибия уже решила вопрос со своей шкуркой и не будет верещать, что она девственница и не может спать с ним в одном номере, иначе придется на ней жениться.

Открыл дверь ключом. Но, прежде чем распахнуть, еще раз постучал. Не помогло. Когда он вошел, точно напротив его глаз оказался бюст, которому позавидовала бы даже Венера. Бюст, туго обтянутый белой футболкой, но это мало спасало положение. Казалось, одно неловкое движение, и футболка разлетится в лоскуты к болотной клюкве.

Девушка, возвышавшаяся над ним на полголовы, полыхая гневом, уперла руки в бока. Нет, в тонкую, изящную талию.

— Что это?! — произнесла она трагическим шепотом.

— Очень красивая грудь, — честно сказал Илья.

— Прекрати пялиться! — злобно зашипела она.

Он тут же отвернулся:

— Прости, залип.

Извинения, кажется, немного смягчили ее, она заговорила сдержаннее, но с той же болью в голосе:

— Я не буду платить за это. Ты купил абсолютно не то, что я хотела. Это какие-то детские вещи!

— Тут ты не права, — Илья спиной к ней пробрался к окну и сел на кровать — стоять было выше его сил. — Я купил вещи сорок второго размера, как ты и просила.

— Это маломерки какие-то. У меня сорок второй размер, но я еле натянула их!

— Слушай, — возразил Илья, — если ты не бродишь заколдованной уже пятнадцать лет, у тебя никак не может быть сорок второй размер. Такие... — он запнулся, не зная, как выразиться культурно, попробовал еще раз. — Такое... — но понял, что опять собирается сказать что-то не то и наконец подобрал эвфемизм: — Такую красоту в сорок второй можно запихать, только помогая коленкой. Я бы поставил на то, что нужен сорок восьмой. А если хочешь, чтобы вообще никто не пялился, то пятидесятый.

— Что? — у девушки за спиной внезапно осип голос. — Да как ты... Да ты на себя...

— Стоп! — повысил голос Илья. — Красный код! Зона повышенной опасности. Не произноси слов, после которых придется добираться до Можайска прыжками.

И тогда он услышал горькие, безутешные рыдания.

Что делать с рыдающими девушками, Илья понятия не имел. Не довелось ему подобный экстремальный опыт пережить. Он сидел потерянный, боясь пошевелиться, надеясь, что «оно само пройдет». Прошла целая минута — ему пока-

залось, что полчаса, — а слезы не утихали.

— Ну это... — забормотал он смущенно. — Не хотел я тебя обидеть. Извини, если что. Просто мне показалось, что ты обзываться будешь. А мне не нравится, когда обзываются. А тебе бы понравилось? — спросил он с напором.

Рыдания стали тише, но всё же не прекратились.

— Можешь не возвращать деньги, — добавил он примирительно. — Чего так расстроилась-то? Другие вон большие бабки платят, чтобы такие... — он вовремя прикусил язык, — такую красоту сделать, а у тебя, насколько я понимаю, сама выросла. Красота, — на всякий случай уточнил Илья.

Плач утих. Потом он уловил еле слышное сквозь всхлипы.

— Светославу худенькие нравятся. Я думала, похудею, пока комаров ем...

Илья подвис. Потом осторожно уточнил:

— Правильно ли я понял твой пассаж: у тебя есть парень, который считает, что ты должна быть сорок второго размера?

— Да, — беззвучно прошелестела она и тут же спохватилась: — Нет! Он, конечно, никогда так не говорил. Просто ему больше худенькие нравятся.

— Это которые похожи на фонарный столб? — поинтересовался он.

— Нет! — возмутилась девушка. — Просто стройные.

— Вася, — он не выдержал и обернулся. Она на него зыркнула, и он поправился: — Василиса Остаповна. У тебя рост

— сто восемьдесят сантиметров, если не больше. Чтобы сделать тебя сорок второго размера, надо основательно пообтесать, отрубив всё, что торчит, в том числе руки. Я сильно сомневаюсь, что это будет красиво.

— Откуда ты знаешь, Илья Александрович, какой у меня рост? — подозрительно прищурилась девушка.

— Я свой рост знаю, а ты меня выше. Еще скажи, что не угадал.

— Угадал, — сообщила Василиса.

Ему показалось, что она улыбается.

— Фигура у тебя классная, — решительно подвел он итог.
— Тому, кто скажет иное, дай в глаз и красиво уходи в закат.
Теперь она отчетливо хихикнула.

— Ладно, я в душ и спать.

— Но здесь одна кровать! — испуганно охнула она.

— У тебя паспорт есть? — Илья достал из сумки полотенце и сменную одежду.

— Нет, — удивленно сообщила она.

— Значит, снять отдельный номер не получится. Кровать широкая, обещаю спать в одежде и с кровати тебя во сне не спихивать. Себе можешь местное полотенце взять.

Он удалился в ванную комнату.

Глава 4. ...И мир

Следовало признать: вонючий толстяк умел преподносить сюрпризы. До ночевки в гостинице он казался натуральным чудовищем, не только внешне, но и внутренне. Но парень

неожиданно подорвался, чтобы вовремя доставить ее в номер, где она могла бы переодеться без лишних глаз. Извинился за то, что пялился на ее грудь, так мило говорил комплименты и пытался утешить, что Василиса даже почувствовала к нему расположение.

И вот сюрприз: он знал, что такое душ! Появился оттуда благоухающий ментолом, извинился за то, что у него только мужской гель, но предложил его использовать, если она хочет. Василиса немного оттаяла, хотя лечь на одну кровать, пусть и широкую, всё равно было страшновато. Стоя под душем, она наслаждалась теплыми струями, сначала чуть-чуть прислушиваясь к тому, что творилось за дверью, а потом уже без страха. Высушила волосы магией (иначе пришлось бы либо спать на мокрых волосах, либо до утра сушить их феном).

Кое-как натянула футболку и юбку, которые бесстыдно облегли всё, что можно и нельзя. Прежде чем вернуться в спальню полюбовалась в зеркало на «красоту», как выразился Илья. Это он еще ягодички не видел, круглые, как дыньки. Хотя тут больше гены, чем ее старания. Фитнес Василиса любила и регулярно посещала тренажерный зал, но все-таки и верхние девяносто шесть, и нижние девяносто ей достались от природы, без всякой магии и человеческих усилий. Мужчины Бессмертные — сильные маги. Женщины — сногшибательные красавицы.

Вспомнив о Светославе, она взгрустнула. Приятно, что

она впечатлила Илью. Но любимому нравилась маленькая грудь, уместающаяся в мужской ладонке, отчего она отчаянно комплексовала и старалась похудеть, но безуспешно.

Выбравшись из душа, она прислушалась к дыханию горы, покоящейся на самом краю постели. На всякий случай позвала тихонько:

— Илья Александрович! Ты спишь?

Ответа не последовало, и она осторожно улеглась с другого края.

Но сон не шел. Стоило ее водителю пошевелиться, как она вздрагивала и поднимала голову. Расслабиться никак не получалось. Василиса ворочалась с боку на бок.

— Тебе там стекловату вместо перины положили? — сонно поинтересовался Илья. — Или все-таки гороху не пожалели?

— Извини, — вздохнула Василиса. — Нервничаю, не могу заснуть.

— Чего нервничаешь? Меня, вонючего злодея, боишься? — заплетающимся языком уточнил он.

Василиса хихикнула.

— Сейчас ты не ведешь себя как злодей. И после душа не воняешь.

Парень сел на постели, будто его подбросило пружиной.

— Чего?

Девушка тоже села, испуганно хлопая глазами: она что-то не то сказала?

— Я не хотела тебя обидеть, — пролепетала она.

— Нет, погоди, — отмахнулся он, сидя к ней спиной и глядя в окно. — Ты сейчас серьезно? Что я не воняю?

— Илья Александрович, если принимать душ, то пахнуть не будет. А если потом еще антиперспирантом воспользоваться...

— Так вот в чем дело было! — воскликнул он, словно неожиданно сообразил, как рассовывать металлы в клеточки таблицы Менделеева. — А я-то думал! — он захрюкал, плечи затряслись, и Василиса не сразу сообразила, что он смеется.

С некоторой оторопью она смотрела на темный силуэт на фоне окна. Наконец он утих и снова улегся в кровать, вытер маленькие глазки, на которых выступили слезы от смеха. Василиса всё еще ничего не понимала.

— Слушай, Премудрая, — вдруг спросил он, глядя в потолок. — А ты давно со своим Светославом тискаешься?

— Ну вот зачем ты всё портишь! — возмутилась она. — Обязательно быть таким грубым?

— Прости. Просто не знаю, как это культурно назвать.

Голос звучал искренно, и Василиса тут же простила. Тоже легла на спину и стала смотреть на лампу.

— У нас любовь.

— А! — сказал Илья с какой-то странной интонацией. — Ну ладушки. Давно у вас любовь?

— Четыре года. И еще два года, пока я жабой была.

— Не, два года не считаются. Он вообще-то за эти два года должен был как минимум всю Россию на уши поставить в поисках тебя. Если любовь, конечно.

— Откуда ты знаешь? Может, он искал? — надула губки Василиса.

— Ну, раз не нашел, значит, плохо искал. Я бы первым делом у бати твоего поинтересовался, куда его драгоценная дочурка делась.

— Папа не знает о нас, — горько заявила девушка.

— Да? А чего так? Гопник он, что ли? Барышня и хулиган?

— Нет, всё сложнее, — тяжело вздохнула Василиса. — Он родной брат моей мачехи.

— Да ладно! — хмыкнул Илья. — Прикольно, конечно, вы там живете. Ну и сколько вы планировали от бати прятаться?

— Светослав обещал что-нибудь придумать.

— И четыре года думал?

— А что? — с вызовом спросила Василиса. — Легко только пальцем в носу ковырять, и то вывихнуть можно. А тут наша судьба на кону.

— Дай угадаю, — тон Ильи стал ласковым-ласковым, — ты сейчас его процитировала?

Василиса только обиженно засопела, затем возмущенно поинтересовалась:

— Ты чего вообще ко мне пристал? Я тебя попросила про-

сто довести меня до Можайска!

— Дорогая Василиса Остаповна, а тебя не смущает, что ты чувствовала магию на каждой заправке, а потом нам таки сломали машину, так что задержали наше появление в Можайске минимум на полдня?

— Что ты имеешь в виду? — гневно уточнила она.

— Кто-то очень не хочет, чтобы ты вернулась к батю. И Светослав твой какой-то мутный! Он ведь тоже, либо, маг?

— Маг, — подтвердила девушка и сразу успокоилась. — Он из древнего рода колдунов Черноморовых. Но ты просто его не знаешь, — заявила она мягко. — Он знаешь какой... — голос наполнился мечтательностью.

— Предполагаю, — ответил Илья из темноты. — Шикарный красавец-мужчина, элегантный, как рояль, старше тебя лет на десять.

— Ты его видел? — Василиса снова испуганно села в кровати.

— Что ты! Святые угодники уберегли. Логика! — объяснил Илья. — Тебе сколько лет было, когда ты с ним познакомилась? Восемнадцать?

— Семнадцать. Но встречаться мы стали, когда девятнадцать исполнилось!

— Не суть. До этого у тебя никого не было, правильно я понимаю?

— Да, — смущенно подтвердила Василиса, укладываясь на подушку.

Их разговор всё больше напоминал абсурд. У Ильи был красивый мужской голос, и в темноте она даже забывала, как он выглядит. Она словно пришла на сеанс к хорошему психотерапевту.

— Ну вот. Будь он не первый, будь тебе хотя бы двадцать три, ты бы эти сказочки про то, что всё сложно, но он вот-вот всё порешает, четыре года слушать не стала бы.

— Ты его не знаешь! И не можешь о нем судить. И я не хочу продолжать разговор на эту тему!

— Понял. Принял. Кто тогда еще может не хотеть твоего возвращения в Москву?

— Да кто угодно! — вспылила Василиса. — Мачеха, брат сводный. Да мало ли кто?

— Ну... Перечисляй дальше, я слушаю.

Но больше никто Василисе в голову не приходил.

— Если список окончен, то я тебе так скажу, — подвел итог Илья. — Самый перспективный для тебя вариант — это то, что твой братик силы пробует. Потому что, если в этом замешана мачеха, то Светослав твой не может просто рядом стоять.

— Это еще почему? У них всегда были натянутые отношения!

— Вы где познакомились?

— На дне рождения у Наины.

— Всё!

— Что всё?

— Если он ходит к сеструхе на день рождения, значит, слухи о натянутых отношениях сильно преувеличены.

— Ну почему же! — Василиса хотела возразить, но запнулась. С тех пор как она уехала из отцовского дома, она игнорировала все семейные праздники, кроме дней рождения родителей. Сказала робко: — Разные же бывают обстоятельства. Бывает, что никак нельзя не прийти.

— Ага, бывает. Ладно, давай спать. Чует мое сердце, это не последние приключения у нас.

После бурных обсуждений Василиса заснула сразу же, будто ее выключили.

Василиса сидит за шикарным столом, ломящимся от изысканных блюд, и думает, что, к счастью, это в последний раз. Как только ей исполнится восемнадцать, они ее никакими коврижками на эти праздники не заманят. Как будто специально их проводят, чтобы над ней издеваться. Главное, это Наина такая хитрая. Когда папа рядом, она лужицей меда растекается. А когда папа не слышит, оказывается, что это латекс манцинеллы: пахнет приятно, но вызывает ожоги и слепоту. Что отец в ней вообще нашел? Мама не подарок, но уж эта точно ничем не лучше. Разве только моложе, но и то лет на десять всего. Что это для долго живущего мага?

Сейчас мачеха с фальшивым сочувствием замечает:

— Ягодка моя, зачем же так много работать? Даже ручки в порядок привести не успела.

Наина выразительно постукивает по столу острыми ногтями с алым гель-лаком и дорогим дизайном — россыпью драгоценных камней, а не пошлых страз. У Василисы в шестнадцать были аккуратные розовые ногти, потому что училась много, да еще и подрабатывала, некогда было по два часа времени на маникюр убивать. А теперь уже принципиально не делала, так как Наина взялась каждый раз обращать внимание на ее «неухоженные» руки. В ответ на реплику мачехи Василиса протягивает руку, словно для того, чтобы именинница поближе ее рассмотрела.

— Мне просто не нравятся накладные ногти, Наина Велемировна, мне нравятся ногти, выращенные своими руками. И я привела их в идеальный порядок! Посмотрите, как выглядят здоровые ногти. Их не нужно шлифовать и прятать под покрытие, — она широко улыбается, показывая безупречно ровные зубки, которыми она с удовольствием откусила бы нос этой дуре.

И тут же чувствует взгляд. Чуть поворачивает голову — на нее смотрит Светослав Черноморов, брат Наины. Как это часто бывает в семьях магов, разница в возрасте с сестрой у него была большая — двадцать три года. Если Наине пора на пенсию, то Светослав — молодой парень, хотя черная густая борода делает его старше. Отец как-то объяснил, что в роду Черноморовых сила мужчин в бороде, поэтому они обязательно ее носят. Говорят, их самый известный предок вообще имел бороду, которую несколько че-

ловек несли на подушках. Хорошо, что она этого не видела!

Светослав, точно в соответствии с фамилией, черноволос, черноглаз и чернобород. Он смотрит на Василису с теплом и таким пристальным вниманием, что она ощущает себя раздетой, но в глазах его пляшут озорные огоньки. Девушка надменно вскидывает подбородок.

Переждав немного, собирается потихоньку уйти с праздника, но отец, изучивший все ее уловки, быстро ловит под руку, целует в висок — холодные сухие губы легко касаются кожи, — интересуется, не устает ли она, учась на двух факультетах сразу, и негромко шепчет:

— Если исчезнешь с праздника, будет только хуже. Потерпи немного.

Василиса тяжело вздыхает и отправляется в уголок, где можно побыть не на виду, но никто не упрекнет, что она прячется. У Остапа Бессмертного гостиную оформили в сдержанных, коричнево-бордовых тонах, и вдоль короткой стены поставили высоченные книжные шкафы. Но между шкафом и стеной с окнами, остался узкий проход, чтобы слуги незаметно приносили и уносили напитки. Поскольку обычно они не использовали столь сложный способ появления среди гостей, Василиса давно предположила, что, вероятно, задумка отца была иной. По крайней мере она издавна облюбовала это место в качестве убежища. Сделаешь шаг назад — и вовсе исчезаешь. Но можно честно говорить: «Я нигде не уходила! Вы меня просто не заметили», — и ни-

кто не поймает тебя на лжи.

Однако на этот раз одна она остается ненадолго. Она любит кружащейся за окном метелью, когда за спиной становится жарко и быстро оборачивается. Светослав Черноморов возвышается позади нее на целую голову. Она, конечно, еще вырастет до двадцати лет сантиметров на десять, но сейчас чувствует себя ребенком рядом с великаном. Ей неуютно.

Черноморов смущенно улыбается, стараясь сгладить первое впечатление.

— Извини, не хотел тебя пугать.

— Вы меня не напугали.

Василиса отворачивается, длинные косы подпрыгивают и тут же послушно ложатся на спину. В их семье это считается традиционной прической, есть причины, по которым о стрижке даже думалось с содроганием.

— Рад слышать, — голос Светослава мягкий, как у сестры, но глубокий, низкий. Пробирает до мурашек. — Но почему на вы? Я не такой уж старый.

— Я вас не знаю, этого достаточно, — отрезает девушка, мечтая, чтобы он скорее ушел.

За спиной раздается тяжелый вздох.

— Я только хотел познакомиться с удивительной девушкой, обучающейся на двух факультетах одновременно, при этом сдающей сессию на одни пятерки, не используя взятки, да еще и занимающейся клинингом, но при этом сохранившей

нежность рук.

Василиса бросает на него удивленный взгляд. О том, что она сдает сессии своим умом, вникая в каждый предмет, а не надеясь на деньги и связи отца, знают немногие. О том, что она работает в клининге, не знает почти никто. Даже Наина.

— Вы за мной следите? — она выгибает бровь.

— Я ваш поклонник.

Сказано так горячо, будто подразумевается «любовник». Сердце Василисы трепещет от волнения. Она рассматривает Светослава иначе. Ей не нравятся парни с растительностью на лице, но ему борода очень идет. Он выглядит стильно, явно тщательно продумывает образ: молодежная прическа, одновременно ухоженная и несколько небрежная, будто он просто провел пятерней по влажным волосам, да так они и высохли. Тонкие, породистые черты лица, густые ресницы, делающие взгляд бархатным. Черный пиджак растягнут, как и белая рубашка без галстука. Всё в рамках приличия, но крайне сексуально.

К щекам приливает кровь, и Василиса торопливо опускает ресницы. Нужно сказать что-то остроумное, чтобы осадить его, но в голову ничего не приходит.

— Не буду вас смущать, — улыбается он так, что сердце падает в желудке.

А потом наклоняется и целует руку, не спрашивая разрешения.

И тут же исчезает, затерявшись среди гостей.

А Василиса остается растревоженная, взволнованная, потерянная. Она и сама не знает, чего хочет: чтобы он вернулся, чтобы он больше не появлялся, чтобы он поцеловал еще раз или чтобы этой встречи никогда не было?

Глава 5. Грозовой

Ночь, конечно, выдалась феерическая. Только когда Василиса сообщила, что от него не воняет, Илья понял, что их встреча возле цветка неслучайна, что он не занимается благотворительностью, а действительно получит какой-то проffit. Кроме уборки и еды на шестьдесят лет, конечно.

Он моментально понял две вещи: во-первых, надо доставить Василису в Можайск; во-вторых, им будут мешать добраться до Можайска. Поэтому он подошел к вопросу системно и постарался выяснить, самое главное: кому выгодно. И, несмотря на жалкий лепет Премудрой, подозреваемым номер один все-таки был ее хахаль.

Не мог быть адекватным парень, который завоевал девушку с такими... глазами и косами, с такой фигурой наконец, и при этом парит ей четыре года мозги, что торопиться некуда и надо научиться пальцем в носу ковыряться так, чтобы он из уха не высывался. Что тут сказать? Гугл в помощь!

Ладно бы Василиса еще истеричкой какой была, а она девчонка отходчивая, ей «извини» скажешь, она и растаяла, от самого маленького доброго слова расцветает. Что еще Черномордову надо? Сразу понятно, задумал черное дело. Чер-

ной, черной ночью. Илья готов был поставить зуб мудрости (всё равно лучше удалять их), что и на болоте Василиса не без его участия оказалась. Его личный опыт прямо кричал, что дело тут нечисто.

Но девчонка была влюблена, на любые аргументы отвечала «ты его не знаешь». Илья прямо ждал, что добавит: «Если увидишь — сам влюбишься», но она, видимо, хорошо знала Российскую Конституцию и базар фильтровала. Так что он бросил это гиблое дело: пытаться расколотить розовые очки — себе дороже. Главное, держать ушки на макушке и не пропустить знаков свыше.

Утром он проснулся после восхода солнца, поэтому, когда открыл глаза, на него смотрела жаба. Очень жалобно.

— Доброе утро! — пробормотал Илья и снова отправился в душ. Когда вышел, поинтересовался: — Слушай, а говорят, если твою шкурку сжечь, ты сразу к папе отправишься. Может, так быстрее будет?

— Нет, — квакнула она. Голос в заколдованном виде у нее был удивительно противный: скрипучий, даже скрежещущий. Жаба, что тут скажешь. Ей гибких голосовых связок не отсыпали. — Так только в сказках бывает, — прокряхтела она очень грустно. — На самом деле я обратно на болото отправлюсь в Щербаковскую балку.

— Понял. Принял. А чего грустим?

— Уже ехали бы... — давилась она словами.

— Оптимистка ты. Мастера наши, наверно, даже не про-

сохли. Сейчас пойду совершать вокруг них магические пляски заклинательного характера. Потом они работать будут. Попытаются меня облапошить. Хорошо, если к обеду выедем. Но ты не плачь. Как только магия подействует и мастера после бодуна воскреснут, они начнут работать. А мы пока пойдем тебе новые наряды покупать. Заодно гель-шампунь купим и чего там тебе еще надо.

— Айфон, — прокряхтела она.

— Ну это... — Илья даже остолбенел, — губа у тебя не дура, конечно. Это у тебя папа золотые унитазы друзьям на день рождения дарит. А я сирота, — про себя подумал, что мог бы подарить ей смартфон, но только зачем? Чтобы ее сомнительный трахаль пеленговал их везде? Нет, уж, увольте. — В общем, с телефоном не помогу, даже с самым простым, — подвел итог он. И на всякий случай пригрозил, чтобы она не обиделась: — Мало ли что случится, вдруг задержимся, а денег на гостиницу не останется. Придется со мной в машине ночевать, а душа там нет. Шторм-то привык, а тебе оно надо?

Жаба ничего не сказала, но еще больше загрустила. Потом подняла голову:

— А твой телефон дашь?

Илья запнулся лишь на мгновение и тут же отрапортовал:

— А у меня интернета нет. Позвонить с моего можно. Ты с кем связаться хочешь?

Глаза амфибии подозрительно прищурились, а потом она

выдала:

— Ты, когда врешь, снова вонять начинаешь. Ты в курсе? Я жаба, но с интеллектом у меня всё в порядке!

Илья вздохнул:

— Извини. Не хочу я, чтобы ты кому-нибудь что-то сообщала. И без того странные вещи происходят. Завтра уже на месте будешь. Потерпи, а?

— Ладно, — великодушно сдалась Василиса.

С мастерами вопрос решился быстро. Видимо, отсутствие запаха располагает людей, даже если в целом ты всё тот же урод. После этого они отправились в магазин. На этот раз поиски подходящей одежды были даже захватывающими. Они с Василисой подходили к вешалкам и вместе улыбались продавцам. Вид ухмыляющейся жабы и длинноволосого толстяка с редкими зубами производил неизгладимое впечатление — девушки ретировались, но сильно далеко не уходили. И правильно делали. Он бы на их месте тоже не доверял парню с редкой щеточкой над верхней губой и лежащими на плечах щеками, который вслух читает состав вещей.

Чтобы найти то, что нужно, хватило двух магазинов. Наверно, Василиса еще пребывала в благостном настроении, к тому же помнила о его финансовых возможностях и выбирала не самые дорогие вещи. От геля для душа великодушно отказалась, заверив, что вполне может пользоваться мужским, всё равно ее никто не обоняет, кроме того же Ильи. Но возникло стойкое ощущение, что жаба просто не хотела

его обижать, объясняя, что в таких нищевородских магазинах она для ухода за собой ничего не покупает. Он оценил тактичность девушки, хотя свою неплатежеспособность сильно преувеличил. До Бессмертных ему было как вплавь до Антарктиды и обратно, но от прошлой жизни остались накопления, которые сейчас тратить было некуда. Можно сказать, в этом путешествии впервые появилась возможность сорить деньгами.

На всякий случай он еще запасася двумя канистрами бензина.

Примерно в полдень они отправились дальше. Когда сели в машину, Илья на всякий случай еще раз уточнил:

— Извини, что спрашиваю... От меня по-прежнему не воняет?

Жаба смущенно переступила лапками, потом робко сообщила:

— Нет, не пахнет. Одежда у тебя чистая. И я же тебе говорила...

— Важность личной гигиены усвоена опытным путем без анестезии. Спасибо! — улыбнулся Илья. Вспомнил о своей голливудской улыбке и отвернулся к окну. — Я даже дезодорант купил! — похвастался он. — Ну, поехали!

Однако путешествие недолго было приятным. Практически в каждой городке амфибия чувствовала беспокойство и виновато объясняла, что лучше бы им здесь не останавливаться. Илья хмурился. Интуиции Василисы он доверял, но

и совсем без остановок ехать не мог: пусть в багажнике лежал запас бензина, но еды он не прихватил, для нее еще пришлось бы дорожный холодильник покупать. Но больше всего не нравилось ощущение, что они в западне, словно их обложили со всех сторон.

Наконец путешественники набрали на какую-то развилку. Илья затормозил на обочине и стал рассматривать карту, благо сеть здесь была. Минут через пять вынес вердикт:

— Давай срежем здесь путь? Дорога плохонькая, но короче. «Нива» не пострадает, зато есть шанс, что там нас никто не ждет.

Василиса прислушалась к себе и одобрительно квакнула.

И начались русские горки. Куда там американским! Жабба узнала, что умеет летать. Илья узнал, что встреча головы и потолка в машине не так уж безболезненна при его весе. Шторм радостно тьякал после каждого кульбита.

А потом хлынул дождь. Хлынул так, будто кто-то на небесах включил душ и стал старательно их поливать. Дворники не справлялись с потоками, Илья ехал почти вслепую, боясь сбавить скорость. Амфибия и Шторм притихли: такой потоп без объявления войны — без усиливающегося ветра, без тучек — не мог быть случайным, и с замиранием сердца ждали, чем всё это закончится.

Вселенная осталась верна себе: машина нырнула в очередную лужу, мотор взвыл надсадно, но колеса словно проворачивались в воздухе, не цепляя землю.

— Ну же! — взмолился Илья, однако не был услышан, и, сделав еще пару попыток, заглушил мотор. — Приехали, — упавшим голосом сообщил он. — Я бы даже сказал, приплыли.

Жаба сидела в коробке, сжавшись, и смотрела тоскливыми слезящимися глазами. К сердцу прилила благодарность — молчит, не говорит: «Куда ты, идиотина, меня завез?»

— Ну ты это, — проямлил он, — не плачь. Сейчас порешаем чего-нить. В крайнем случае мы со Штормом выйдем, пока ты переодеваешься.

Лягушка только закрыла глаза. Илья с тоской посмотрел на непрекращающийся ливень, затем повернулся к Шторму. — Придется тебе нас выручать.

Пес в ответ поджал хвост и закрыл глаза лапой. Он не хотел никого выручать, и Илья его прекрасно понимал. Да и не очень верил в эту затею. Это только в кино понятливая собака бежала к тому, кому нужно, и каким-то образом объясняла, куда идти и кого спасать. Шторм — пес умный, поэтому, побежит в укрытие и будет сидеть там, пока не пройдет дождь.

Но амфибия вдруг воспряла.

— Я могу его зачаровать! — квакнула она. — У меня с животными хорошо получается.

Илья с сомнением посмотрел на овчарку. Спасти хотелось, но приносить друга в жертву жабе, пусть и такой красивой, было как-то подло. Шторм попытался забиться под

заднее сиденье.

— Ему это не повредит, — доказывала Василиса. — Магия абсолютно безвредна, просто он не будет носиться по дождю без толку, а отправится напрямую к тому, кто поможет. И непременно доставит этого человека к нам. Максимум, что ему грозит, — прогулка по теплому летнему дождю в течение получаса.

Илья скрепился и мужественно произнес:

— Шторм, тебе придется это сделать, иначе мы утонем в грязи. — Пес ответил невнятным скулежом. — Василиса обещает, что сохранит твой мозг в здравии, а у нас нет оснований не доверять ей. — Шторм еще отчетливей и громче заскулил. — Хватит уже! — укоризненно бросил ему Илья. — Ты мужик или где? Давай сюда свою морду. Не позорь меня и сам не позорься, не заставляй тебя держать.

Шторм просунул морду между сиденьями и жалобно уставился на хозяина.

— Еще один с глазами на мокром месте! — горестно вздохнул Илья. — Вот нравится вам, когда я себя виноватым чувствую! — сказал он и осекся. Осторожно глянул в коробку. Жаба демонстративно повернулась к Шторму. Теперь эти двое смотрели друг на друга так, будто безмолвно рассказывали, какое адское терпение надо иметь, когда имеешь дело с Иллей. Он еле сдержался, чтобы не фыркнуть, и снова уставился в окно, по которому сплошным потоком текла вода.

А буквально через минуту амфибия заговорила речитати-

ВОМ:

— Встану я не ради чуда, а ради дела, на сырую землю ступлю, да скажу слово не громом, а с умом.

Ты, пес-овчарка, разумный зверь, не лай зря, не прячься, а слушай.

Оттуда, где колеса увязли, где хозяин вздыхает, беги тропой невидимой, найди человека доброго, у кого трос длинный да рука крепкая, да трактор дюжий.

Пусть тот человек пойдет за тобой, не с пустыми руками, не с бранчливым словом, а с охотой помочь.

За добро тебе, пес-умелец, кость пожирнее да хвост повеселее.

Будь таково!

Странно было слышать скрипучий жабий голос, выговаривающий эти слова, и Илья невольно воображал, как бы это произнесла Василиса ночью.

— Будь таково, — прохрипела амфибия еще дважды и, переступив лапкам, приказала Илье: — Выпусти его!

Он удивленно обернулся, но увидел лишь спину жабы.

— Уже? — удивился он и снова взглянул на пса, в глазах которого теперь горел азарт, будто он приготовился принести палку, брошенную хозяином. — Больше разговоров было! — укорил его Илья.

Попробовал достать ручку на задней двери и, конечно, ничего не получилось. Если он сейчас всей тушей развернется, его переклинит, будут потом автогеном доставать. Машину

жалко. Надо выйти из машины и открыть дверь.

Посмотрел на водопад за окном. Брр!

— Лезь сюда, — приказал он псу.

Тот радостно протиснулся, станцевал на пуантах на переднем сиденье, чудом не наступив на Василису, затем забрался на колени Илье и облизал его от шеи до лба.

— Тише ты, бисексуал, — задушенно пробормотал Илье.
— Спасай уже нас!

Шторма не пришлось выталкивать — он пулей вылетел из машины, обдал тучей брызг и скрылся за пеленой дождя. Илье захлопнул дверцу и все-таки произнес это вслух:

— Брр!

Покосился на жабу. Она по-прежнему сидела спиной к нему, но еще и съежилась, будто хотела раствориться в мягкой подстилке.

— Вася, — начал Илье и одернул себя: — Василиса Остаповна, извините, что напугал. Просто так быстрее было его выпустить. Постараюсь больше так не делать.

Молчит. Мраморная спинка вроде бы расслабилась, но он не мог сказать это с уверенностью. У него очень маленький опыт общения с амфибиями. Да и с девушками лишь немногим больше. Единственное, что он твердо усвоил: одну и ту же женщину нельзя понять дважды. Вчера извинения работали, а сегодня нет. А может, она им больше не верит. Что там еще в арсенале есть? Compliments.

— Круто у тебя со Штормом получилось. А с налоговыми

инспекторами так можно?

Жаба издала какой-то звук, который можно было идентифицировать и как смешок, и как всхлип. Кто этих амфибий разберет? На всякий случай он продолжил:

— Я думаю, было бы круто. Он к тебе за деньгами приходит, ты ему стишок читаешь, и он исчезает в тумане. Возвращается, неся в клювике пачку банкнот...

— Папа может так сделать, — заявила Василиса, повернувшись, и вид у нее был довольный и немного гордый. — Но по женской линии магии у Бессмертных слабенькие. Мы только с животными можем.

Илья вздохнул.

— Понятно, почему Бессмертные такие богатые.

— Использовать магию, чтобы стать богатым? — надменно поинтересовалась жаба, но чувствовалась в ее словах небольшая доза яда. — Фи! Бессмертные честно отнимали сокровища в битвах с разными княжичами, которые забредали на питерские болота, требуя невест с приданым. В крайнем случае мои предки получали выкуп за тело живое или мертвое — тут кому как повезет. Магия использовалась только для исцеления и увеличения сил в бою.

— Нашла чем гордиться! — хмыкнул Илья, внимательно следя за амфибией, чтобы вовремя свернуть на безопасную тропинку, если заметит, что ей не нравится направление беседы. Но жаба только склонила набок плоскую голову, ожидая продолжения. — По мне так сильно смахивает на манья-

ка: держит дочь взаперти, режет всех, кто к нему приходит...

— Это ты от зависти говоришь, — ехидно ощерилась Василиса. — Если бы твой папа был Бессмертным... Ой, прости! — Василиса вытаращила глаза.

Неужели вспомнила, что Илья — сирота?

— Ты про моих родителей? — уточнил он и, увидев осторожный кивок, отмахнулся: — Забей! Всё уже отболело, четырнадцать лет прошло. Так что, если бы мой папа был Бессмертный, я, как мальчик, был бы нереально крут и заставил бы этот дождь остановиться, — размечтался Илья.

— А это мысль! — Василиса приподнялась на лапках. — Вообще-то в этой области я тоже профи. Как же мне раньше-то в голову не пришло? — задумчиво квакнула она и прикрыла глаза, размышляя.

Вскоре снова раздался ее скрипучий голос, размеренный, будто в трансе:

— Ой ты, дождичек, слезливый сын тучи сырой, пора тебе, милый, в отпуск да в запой!

Иди-ка к морю — там просторно, там волны большие, там скучно не будет.

Как кошка не любит купаться, так и я не люблю промокаться.

Как сосед Пахом выпьет чарку — и спать, так и ты марш просыхать!

Слово мое — крепко, как занавеска на прищепках!

Будь таково!

Повисла пауза. Какое-то время они прислушивались, надеясь, что шум за окном утихнет. Но ничего не менялось.

Прошло минут пять. Илья посмотрел на улицу — потоки воды нисколько не уменьшились. Он неуверенно покосился на амфибию.

— Занавеска на прищепках — не самая надежная конструкция, — робко предположил он. — Может, в этом всё дело?

Василиса замерла, будто ее превратили в малахитовую денежную жабу. Так и хотелось ей или спинку погладить, или шейку почесать. Наконец она... возможно, хотела нахмуриться, но получилось выражение, свойственное лягушкам, когда они глотают дождевого червя: часть уже в желудке, а чтобы остальное проглотить, надо глаза втянуть. Илья опять посмотрел на нее с опаской.

— Тут что-то не так... — заявила она с каким-то странным шипением. — Дождь магический! Его создал кто-то по сильнее меня...

— Караул небесный на велосипеде! — деланно воскликнул нисколько не удивившийся Илья. — Кто бы мог наслать на нас такое бедствие? Какой такой знакомый могущественный маг у нас есть?

— Светослав до такого не опустился бы! — тут же гневно вытаращила глаза амфибия.

— А кто-то упоминал Черноборова? — невинно поднял брови Илья, намеренно коверкая фамилию возлюбленного

Василисы.

На какое-то время в машине воцарилась тишина, нарушаемая лишь несмолкаемым шумом потоков воды снаружи.

Будет печально, если эта магия помешает и Шторму найти помощь. Будет очень-очень печально для Ильи. Бессмертной-то что сделается? Квакала в Щербаковской балке — еще годик проквакает в Саратовской области. А вот он гордо пойдет ко дну. Не потому, что капитан тонет со своим кораблем, а потому что плавал Илья примерно так же хорошо, как и его «Нива». Может, это у них родовое проклятие какое-то? Немного обгонит родителей — они погибли, когда к сорока годам приближались.

— Илья, — робко проскрипела жаба. — Извини, что спрашиваю... Если не хочешь — не отвечай...

Он нисколько не сомневался, что и амфибия сейчас подумала о его горьком сиротстве и решила уточнить, как это произошло. Она вообще удивительно эмпатичная для золотой девочки, эта Василиса.

— Родители погибли в автокатастрофе, — спокойно сообщил он, глядя в окно.

Жаба аж задохнулась:

— Откуда ты знаешь, о чем я хотела спросить?

Он только пожал плечами:

— Ты добрая. Запомнила, что я сирота. Другие всегда думали, что это шутка. Так что давай я уже тебе сразу всё расскажу. Отец был инженером-геологом, мать — фельдшером

в экспедиции. Они возвращались зимой с вахты, и машину занесло на дороге. Обычное дело на Урале. И на этом закроем тему.

Они еще немного помолчали. И снова раздалось кваканье: — Ты с Урала? А как тебя в Волгоградскую область занесло?

— О! — оживился Илья. — Это очень впечатляющая история! — но рассказать не успел, потому что внезапно посмотрел за окно и заорал. — Пермакультурная сила!

За окном появилась фигура в черном балахоне с глубоко надвинутым капюшоном, которая медленно приближалась к машине.

Глава 6. ...Перевал

Поездка с Ильей была не такой уж страшной. Во-первых, парень оказался тактичным и чутким. Он мгновенно улавливал ее настроение и сразу пытался всё исправить. Это было так трогательно. Василисе так этого не хватало от Светослава. Самое большее, на что тот был способен, — это начинал ее щекотать. Но мог и разбирать ее поведение, чтобы объяснить, что настоящая женщина никогда не поступает так, как она. У настоящей женщины всегда хватает мудрости не обижаться, а даже если обиделась, не демонстрировать обиду, побеждать мужчину лаской и нежностью. Василиса очень хотела быть идеальной женщиной. Раз уж ей достался идеальный мужчина, надо ему соответствовать...

Но иногда так хотелось быть маленькой капризной девоч-

кой, которую балует кто-то большой, сильный и понимающий. Почему только вот такие странные уродцы, как Илья, способны на эмпатию?

Хотя она несправедлива к Светославу. Конечно же, он тоже может поддержать, утешить, только он это делает, когда произошло что-то серьезное, а не потому, что ее муха укусила, как он выражается.

А еще закрадывалось стойкое ощущение, что Илья вовсе не такой идиот, каким кажется на первый взгляд. Иногда он остроумно шутил, а иногда говорил так, что трудно было понять: сарказм это или он говорит серьезно.

Когда он заорал, Василисе тоже стало жутко. Особенно потому, что ей из коробки не было видно, что его напугало. Но потом прыщавый толстяк выдохнул:

— Хорошо, что давно ничего не пил, а то бы сейчас сидел в луже, — и опустил стекло.

К нему склонился черный капюшон, и Василиса тоже вздрогнула, но капюшон сказал добрым голосом:

— Это ваша собачка такая умная?

Илья глянул куда-то вниз и укоризненно прикрикнул:

— Шторм! Как не стыдно?

Раздался скулеж, и в окно просунулась собачья морда, радостно облизавшая хозяина. Жалко песья слюна прыщи не лечит.

— Отстань, — скривился Илья. — В машину всё равно не пушу, ты грязный.

— Сейчас и ты будешь грязный, — философски заметил «черный плащ». Кажется, разглядев толстую морду Ильи, он решил отбросить вежливость. — Я, конечно, на тракторе, но вряд ли справлюсь без твоей помощи. И я хотел бы заранее обсудить вопрос оплаты и моральной компенсации, — он ткнул пальцем куда-то вниз.

Что с ним сделал Шторм? Ногу отгрыз? Она бы этому жадюге еще и руку заодно откусила. Человек, понимаешь, погибает, а он об оплате договаривается!

— Скажи ему, что заплатим любую сумму. Я ночью папе позвоню, он перечислит, — недружелюбно квакнула она.

— Интересная у вас лягушка, — капюшон попытался просунуться в окошко, но Илья приоткрыл дверцу и таким образом его отодвинул.

— Жаба, — улыбнулся он такой мерзкой улыбкой, что Василиса на месте «плаща» уже начала бы извиняться. — Мраморная жаба. Она спрашивает: «Сколько?»

Рука исчезла под капюшоном, будто тип задумчиво чесал подбородок.

— Услуга! — заявил он, поразмышляв несколько мгновений. — Я вам, а вы мне.

То, что он снова перешел на вы, никого не обмануло: мужик обратился сразу к двоим — к ней и Илье. Не прост этот спаситель, ох не прост. Где только Шторм его выкопал? Впрочем, пес был зачарован найти того, кто поможет. Так что, вероятно, это действительно их единственная надежда.

Ее случайный водитель обернулся, ожидая ответа.

— Согласна, — прокряхтела она.

— По рукам! — кивнул Илья, и протянул за окошко ладонь.

И тут «черный плащ» отбросил капюшон.

— Леший! — опешила Василиса.

— Зачем же ругаться, Вася? — Илья задумчиво рассматривал мужика, у которого волосы не росли только на лбу, носу и веках. Всё остальное покрывала рыжеватая растительность. Мутно-зеленые глаза смотрели с затаенной каверзой, как будто он точно знал, что выиграл джек-пот и надул лохов.

— Это не ругательство, молодой человек, — улыбнулся в бороду мужик. — Леший и есть. Можно просто Корней.

Он демонстративно лизнул ладонь и тоже протянул Илье. Тот разглядывал руку, не торопясь ее пожимать, а Василиса вздохнула:

— Придется тоже так сделать, Илья. Он маг. Это для того, чтобы подтвердить, что сделка без обмана.

— Матерь терпения! Куда я вляпался?

Толстяк лизнул ладонь, руки сомкнулись, договор был скреплен.

— Ну а теперь выходи, — Корней снова натянул на лоб капюшон. — У моего трактора шансов вытащить машину без тебя гораздо больше, чем с тобой.

— Вот так всегда! — Илья, кряхтя, выбирался из машины.

— Чуть что, сразу фэтшейминг. Василисе Остаповне поче-

му-то можно в машине остаться! Что? — с вызовом спросил он уставившегося на него лешего. — Это был юмор! Ха-ха два раза.

— Ха-ха, — отдельно подтвердил Корней и, подумав, добавил: — Два раза. Цепляй трос. Я в трактор. У тебя куртки нет, что ли?

— Нет, байбака тебе в штаны, — ехидно заявил толстяк, промокший мгновенно. Мокрая одежда облепила каждую жирную складку на его теле, стекала по редким усишкам и длинным волосам.

Дальнейший диалог Василиса не слышала, потому что Илья закрыл дверцу. Машина начала раскачиваться, дергаться, раздался победный крик, и «Нива» покатилась. Снова распахнулась дверца, и Василиса увидела Илью, заляпанного грязью с ног до головы. Какое-то время он смотрел на чистенькое сиденье, потом махнул рукой:

— Разнеси это всё конем! — и полез за руль. Но тут же обернулся к Шторму. — А ты куда? Беги давай, хватит мне грязи в одном месте.

Машина снова дернулась и поехала. Илья сосредоточенно глядел вперед, будто мог что-то разглядеть за передним стеклом, поливаемым водой так, что дворники не справлялись.

Женская интуиция подсказывала Василисе, что сейчас лучше ни о чем не спрашивать, Илья явно был не в духе. Поэтому она терпеливо ждала, переминаясь с лапки на лапку.

Наконец за окном стемнело — они заехали в гараж.

Илья выбрался из машины, тут же потянулся за коробкой и взял ее под мышку. Рядом нарисовался леший. Плащ он уже снял и теперь щеголял в клетчатой рубашке, болотной куртке-ветровке и коричневых вельветовых штанах. Внимательно оглядев заляпанного грязью толстяка в обнимку с жабой, он заметил, глядя всё-так же хитро и улыбаясь в усы:

— А ты ничего. Не думал, что справишься. Есть силушка богатырская.

— Вы не поверите, — провозгласил Илья, откидывая мокрые пряди волос небрежным движением головы, — внутри этой бочки жира прячется красавчик с тугими мускулами, — и, не дожидаясь, пока леший скажет еще что-нибудь остроумное, сунул ему в руки коробку. — Примите Василису Остаповну, а я пойду еще под дождем постою, чтобы грязь смыло.

— К чему такие жертвы? — захихикал Корней. — Раздевайся и в душ. Одежка моя тебе, конечно, маловата будет, но у меня халат есть — точно тебе подойдет. А свою в стиральную машинку сунь, она там же, рядом с душем.

Спровадив толстяка купаться, леший прошлепал на кухню. Она была маленькая, но уютная: мебель из натурального дерева, но лакированная, занозу не сделаешь. Электрическая плита, микроволновка, холодильник — всё как положено. Он поставил на плиту чайник, сел за пустой стол и устался на Василису.

— Ну что? Побалакаем без лишних ушей, Василиса Остоповна?

Она неуверенно переступила лапками. Леший нервировал. Особенно в связи с грядущим закатом и заключенной сделкой. Тем не менее она грозно (Василиса надеялась, что это звучит грозно) квакнула:

— Дождь ваших рук дело?

— Я тебя умоляю, пигалица ты шустрохвостая. Когда это я лесу да зверью вредил? А в такую погоду ты представляешь, что там творится? Нет, дождь не я сделал. Сдается мне, ты тут виной.

Василиса понурилась.

— Вы тоже считаете, что меня кто-то остановить хочет?

Корней задумчиво взъерошил бороду.

— Об этом я не думал, но тоже отличная версия. А кто еще так думает? Тот боров, что тебя везет?

— А вы почему обзываетесь? — неожиданно даже для себя взвилась Василиса. — Думаете, это приятно? Разве он виноват, что такой?

— А кто ж ему виноват? — вскинул лохматые брови леший. — Ел без меры вот и превратился в чудище противное. Что ему, ночью кто жир подкинул, что ли?

Слова были справедливы, но жестоки.

— Всё равно так нельзя, — насупилась она.

— Ладно, — примирительно сказал Корней. — Хоть он и чудище, а умом его Господь не обидел. И сердце доброе. А

это в совместной жизни главное. Да, Премудрая?

Она промолчала, потому что леший явно над ней издевался.

— В общем, рассказываю вводные, — посерьезнел Корней, не дождавшись ответа. — У нас в Балашове градообразующее предприятие — текстильный комбинат «Балашовский текстиль» или «Балтекс». Ткани делает для подкладки, курток, палаток, рюкзаков. В России мало кто знает, за границей еще меньше, но нашему городку кучу рабочих мест дает. Руководит предприятием Павел Федорович Абраменков. Мужик не без завихов, но путевый. Бывает и хуже. И вот примерно неделю назад приехала к нам мадам Лакруа, девица двадцати восьми лет. Попросила экскурсию по комбинату, а потом о чем-то долго разговаривала с Абраменковым и его заместителями. Ушла она страшно недовольная. Даже каблучки ее тонюсенькие грозно так по плитке стучали. Предлагала манну небесную, а Абраменков ее послал. Не все, кстати, с ним были согласны, потому и знает эту историю уже весь город. Но, главное, с тех пор у нас дождь и не прекращался. Моросит день и ночь. А ежели кто надумает по проселочной дороге поехать, так прям потоп начинается, так что люди не чают, как живыми выбраться. Не вас первых на тракторе вызволяю.

— А я причем? — удивилась Василиса. — Почему вы решили, что я в чем-то виновата?

— Так потому, что эта Лакруа — невеста Светослава Ве-

лемировича Черноморова. А он тебе, Василиса Остаповна, дальним родственником по мачехе приходится.

От этой новости Василиса потеряла дар речи и натурально разинула пасть.

Примерно через неделю после той памятной встречи на дне рождения мачехи, Василисе пришло сообщение: «Привет, красавица! Ты в курсе, что тебя разыскивает полиция?»

Василиса, конечно, ничего не ответила и даже хотела занести отправителя в черный список, когда прилетела картинка — она в царском венце, а рядом текст языком полицейского протокола: подозревается в убийстве нескольких мужчин. И пока она лезла в настройки, еще одна картинка: «Полностью оправдана. Потерпевшие утонули в ее глазах. Просьба соблюдать осторожность».

Сперва всё казалось ужасно тупым подкатом, но потом прилетело последнее сообщение: «Это Светослав. Прости, что веду себя как идиот. Впервые девушка так меня впечатлила. Растерял весь свой шарм. Большие не побеспокою».

Она остановилась на полпути и вместо черного списка внесла его в контакты.

Он не выходил на связь примерно два месяца. Вновь появился после одного из самых трудных экзаменов, когда никто не верил, что она сдаст, потому что преподаватель очень уж лютовал. Она принципиально дарила подарки только после сессии и только тем преподавателям, которые на самом деле ее впечатлили, а ко всем зачетам и

экзаменам готовилась как типичная ботанка: вникала, запоминала, заучивала.

Вышла после экзамена с пятеркой и отправилась в любимое кафе, чтобы отпраздновать. Пока ждала заказ, получила сообщение: «Поздравляю с заслуженной победой самую красивую умницу России. Или самую умную красавицу. Как тебя лучше называть?»

По сердцу пробежал холодок. Василиса не выдержала и ответила: «Откуда ты знаешь? Следил?»

«Конечно, нет! — получила в ответ возмущенное. — Сегодня встречался с другом в университете, а он рассказал о тебе».

Василиса успокоилась и больше ничего не писала.

Так их переписка длилась примерно год. Светослав то пропадал на месяц, два или три. Затем появлялся, объяснял это чрезвычайными обстоятельствами, о которых он не имеет права распространяться. Василиса знала, что он, как большинство сильных магов работает в системе, поэтому вопросов не задавала. Примерно через полгода они стали переписываться регулярно, если, конечно, Светослав не исчезал.

Но она привыкла и к тишине в мессенджере, и к забавным, спокойным или нежным сообщениям. Только не понимала: нравится она Светославу как женищина или он относится к ней как к симпатичной девчонке, с которой иногда можно перекинуться парой сообщений. Василиса хранила его по-

слания и перечитывала, когда возникали паузы. Каждое из них можно было считать за флирт и в то же самое время оно было невинным, так что мужчина вполне мог поднять красивые брови и сказать: «Не думал, что ты так это воспримешь. Мы просто друзья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.